

АстроШкола

Екатерины Луговой

astro-klass.ru

Астрологический доклад А.Котенко на тему «Авария на Чернобыльской АЭС 26.04.1986»
(о возможности прогнозирования судьбы неодушевленных предметов, сооружений, зданий)
вы можете найти здесь http://astro-klass.ru/4ernobil_astrologia/

Эта исповедь - важное к нему дополнение.

Сделайте все, чтобы подобная история больше никогда не повторилась.

Ни с нами, ни с нашими детьми, ни с нашими внуками...

Слабонервным, детям, подросткам, беременным, сверхчувствительным личностям с неустойчивой психикой читать НЕ рекомендуется!

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЧЕРНОБЫЛЕ

Исповедь жены

"Я не знаю, о чем рассказывать... О смерти или о любви? Или это одно и то же... О чем?"

... Мы недавно поженились. Еще ходили по улице и держались за руки, даже если в магазин шли... Я говорила ему: "Я тебя люблю". Но я еще не знала, как я его любила... Не представляла... Жили мы в общежитии пожарной части, где он служил. На втором этаже. И там еще три молодые семьи, на всех одна кухня. А внизу, на первом этаже стояли машины. Красные пожарные машины. Это была его служба. Всегда я в курсе: где он, что с ним? Среди ночи слышу какой-то шум. Выглянула в окно. Он увидел меня: "Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду".

Самого взрыва я не видела. Только пламя. Все, словно светилось... Все небо... Высокое пламя. Копоть. Жар страшный. А его все нет и нет. Копоть от того, что битум горел, крыша станции была залита битумом. Ходили, потом вспоминал, как по смоле. Сбивали пламя. Сбрасывали горящий графит ногами... Уехали они без брезентовых костюмов, как были в одних рубашках, так и уехали. Их не предупредили, их вызвали на обыкновенный пожар... Четыре часа... Пять часов... Шесть... В шесть мы с ним собирались ехать к его родителям. Сажать картошку. От города Припять до деревни Сперижье, где жили его родители, сорок километров. Сеять, пахать... Его любимые работы... Мать часто вспоминала, как не хотели они с отцом отпускать его в город, даже новый дом построили. Забрали в армию. Служил в Москве в пожарных войсках, и когда вернулся: только в пожарники! Ничего другого не признавал. (Молчит.) Иногда будто слышу его голос... Живой... Даже фотографии так на меня не действуют, как голос. Но он никогда меня не зовет... И во сне... Это я его зову...

Семь часов... В семь часов мне передали, что он в больнице. Я побежала, но вокруг больницы уже стояла кольцом милиция, никого не пускали. Одни машины "Скорой помощи" заезжали. Милиционеры кричали: машины зашкаливают, не приближайтесь. Не одна я, все жены прибежали, все, у кого мужья в эту ночь оказались на станции. Я бросилась искать свою знакомую, она работала врачом в этой больнице. Схватила ее за халат, когда она выходила из машины: "Пропусти меня!" - "Не могу! С ним плохо. С ними со всеми плохо". Держу ее: "Только посмотреть". "Ладно, - говорит, - тогда бежим. На пятнадцать-двадцать минут". Я увидела его... Отекший весь, опухший... Глаз почти нет... "Надо молока. Много молока! - сказала мне знакомая. - Чтобы они выпили хотя бы по три литра". - "Но он не пьет молоко". - "Сейчас будет пить". Многие врачи, медсестры, особенно санитарки этой больницы через какое-то время заболеют... Умрут... Но никто тогда этого не знал... В десять утра умер оператор Шишенок... Он умер первым... В первый день... Мы узнали, что под развалинами остался второй - Валера Ходемчук. Так его и не достали. Забетонировали. Но мы еще не знали, что они все - первые...

Спрашиваю: "Васенька, что делать?" - "Уезжай отсюда! Уезжай! У тебя будет ребенок". А я - беременная. Но как я его оставляю? Просит: "Уезжай! Спасай ребенка!" - "Сначала я должна принести тебе молоко, а потом решим". Прибегает моя подруга Таня Кибенок... Ее муж в этой же палате... С ней ее отец, он на машине. Мы садимся и едем в ближайшую деревню за молоком. Где-то три километра за городом... Покупаем много трехлитровых банок с молоком... Шесть - чтобы хватило на всех... Но от молока их страшно рвало... Все время теряли сознание, им ставили капельницы. Врачи почему-то твердили, что они отравились газами, никто не говорил о радиации. А город заполнился военной техникой, перекрыли все дороги... Перестали ходить электрички, поезда... Мыли улицы каким-то белым порошком... Я волновалась, как же мне завтра добраться в деревню, чтобы купить ему парного молока? Никто не говорил о радиации... Только военные ходили в респираторах... Горожане несли хлеб из магазинов, открытые кульки с булочками...

Пирожные лежали на лотках...

Вечером в больницу не пропустили... Море людей вокруг... Я стояла напротив его окна, он подошел и что-то мне кричал. Так отчаянно! В толпе кто-то расслышал: их увозят ночью в Москву. Жены сбились все в одну кучу. Решили: поедем с ними. Пустите нас к нашим мужьям! Не имеете права! Бились, царапались. Солдаты, уже стояли солдаты, нас отталкивали. Тогда вышел врач и подтвердил, что они полетят на самолете в Москву, но нам нужно принести им одежду, - та, в которой они были на станции, сгорела. Автобусы уже не ходили, и мы бегом через весь город. Прибежали с сумками, а самолет уже улетел... Нас специально обманули... Чтобы мы не кричали, не плакали...

Ночь... По одну сторону улицы автобусы, сотни автобусов (уже готовили город к эвакуации), а по другую сторону - сотни пожарных машин. Пригнали отовсюду. Вся улица в белой пене... Мы по ней идем... Ругаемся и плачем... По радио объявили, что, возможно, город эвакуируют на три-пять дней, возьмите с собой теплые вещи и спортивные костюмы, будете жить в лесах. В палатках. Люди даже обрадовались: на природу! Встретим там Первое мая. Необычно. Готовили в дорогу шашлыки... Брали с собой гитары, магнитофоны... Плакали только те, чьи мужья пострадали.

Не помню дороги... Будто очнулась, когда увидела его мать: "Мама, Вася в Москве! Увезли специальным самолетом!" Но мы досадили огород (а через неделю деревню эвакуируют!) Кто знал? Кто тогда это знал? К вечеру у меня открылась рвота. Я - на шестом месяце беременности. Мне так плохо... Ночью снится, что он меня зовет, пока он был жив, звал меня во сне: "Люся! Люсенька!" А когда умер, ни разу не позвал. Ни разу... (Плачет.) Встаю я утром с мыслью, что поеду в Москву. Сама... "Куда ты такая?" - плачет мать. Собрали в дорогу и отца. Он снял со сберкнижки деньги, которые у них были. Все деньги.

Дороги не помню... Дорога опять выпала из памяти... В Москве у первого милиционера спросили, в какой больнице лежат чернобыльские пожарники, и он нам сказал, я даже удивилась, потому что нас пугали: государственная тайна, совершенно секретно. Шестая больница - на "Щукинской"... В эту больницу, специальная радиологическая больница, без пропусков не пускали. Я дала деньги вахтеру, и тогда она говорит: "Иди". Кого-то опять просила, молила... И вот сижу в кабинете у заведующей радиологическим отделением - Ангелины Васильевны Гуськовой. Тогда я еще не знала, как ее зовут, ничего не запоминала... Я знала только, что должна увидеть его... Она сразу меня спросила: - У вас есть дети? Как я признаюсь?! И уже понимаю, что надо скрыть мою беременность. Не пустит к нему! Хорошо, что я худенькая, ничего по мне незаметно. - Есть. - Отвечаю. - Сколько? Думаю: "Надо сказать, что двое. Если один - все равно не пустит". - Мальчик и девочка. - Раз двое, то рожать, видно, больше не придется. Теперь слушай: центральная нервная система поражена полностью, костный мозг поражен полностью... "Ну, ладно, - думаю, - станет немножко нервным". - Еще слушай: если заплачешь - я тебя сразу отправлю. Обниматься и целоваться нельзя. Близко не подходить. Даю полчаса. Но я знала, что уже отсюда не уйду. Если уйду, то с ним. Поклялась себе! Захожу... Они сидят на кровати, играют в карты и смеются.

- Вася! - кричат ему. Поворачивается: - О, братцы, я пропал! И здесь нашла! Смешной такой, пижама на нем сорок восьмого размера, а у него - пятьдесят второй. Короткие рукава, короткие штанишки. Но опухоль с лица уже сошла... Им вливали какой-то раствор...

- А чего это ты вдруг пропал? - Спрашиваю.

И он хочет меня обнять.

- Сиди-сиди, - не пускает его ко мне врач. - Нечего тут обниматься.

Как-то мы это в шутку превратили. И тут уже все сбежались, и из других палат тоже. Все наши. Из Припяти. Их же двадцать восемь человек самолетом привезли. Что там? Что там у нас в городе. Я отвечаю, что началась эвакуация, весь город увозят на три или пять дней. Ребята молчат, а было там две женщины, одна из них, на проходной в день аварии дежурила, и она заплакала:

- Боже мой! Там мои дети. Что с ними?

Мне хотелось побыть с ним вдвоем, ну, пусть бы одну минуточку. Ребята это почувствовали, и каждый придумал какую-то причину, и они вышли в коридор. Тогда я обняла его и поцеловала. Он отодвинулся: - Не садись рядом. Возьми стульчик. - Да, глупости все это, - махнула я рукой. - А ты видел, где произошел взрыв? Что там? Вы ведь первые туда попали... - Скорее всего, это вредительство. Кто-то специально устроил. Все наши ребята такого мнения. Тогда так говорили. Думали.

На следующий день, когда я пришла, они уже лежали по одному, каждый в отдельной палате. Им категорически запрещалось выходить в коридор. Общаться друг с другом. Перестукивались через стенку... Точка-тире, точка-тире... Врачи объяснили это тем, что каждый организм по-разному реагирует на дозы облучения, и то, что выдержит один, другому не под силу. Там, где они лежали, зашкаливали даже стены. Слева, справа и этаж под ними... Там всех выселили, ни одного больного... Под ними и над ними никого... Три дня я жила у своих московских знакомых. Они мне говорили: бери кастрюлю, бери миску, бери все, что надо... Я варила бульон из индюшки, на шесть человек. Шесть наших ребят... Пожарников... Из одной смены... Они все дежурили в ту ночь: Ващук, Кибенок, Титенок, Правик, Тищура. В магазине купила им всем зубную пасту, щетки, мыло. Ничего этого в больнице не было. Маленькие полотенца купила... Я удивляюсь теперь своим знакомым, они, конечно, боялись, не могли не бояться, уже ходили всякие слухи, но все равно сами мне предлагали: бери все, что надо. Бери! Как он? Как они все? Они будут жить? Жить... (Молчит). Встретила тогда много хороших людей, я не всех запомнила... Мир сузился до одной точки... Укоротился... Он... Только он... Помню пожилую санитарку, которая меня учила: "Есть болезни, которые не излечиваются. Надо сидеть и гладить руки".

Рано утром еду на базар, оттуда к своим знакомым, варю бульон. Все протереть, покрошить... Кто-то просил: "Привези яблочко". С шестью полулитровыми баночками... Всегда на шестерых! В больницу... Сажу до вечера. А вечером - опять в другой конец города. Насколько бы меня так хватило? Но через три дня предложили, что можно жить в гостинице для медработников, на территории самой больницы. Боже, какое счастье!! - Но там нет кухни. Как я буду им готовить? - Вам уже не надо готовить. Их желудки перестают воспринимать еду. Он стал меняться - каждый день я встречала другого человека... Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке, щеках - сначала появились маленькие язвочки, потом они разрослись... Пластами отходила слизистая... Пленочками белыми... Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый... А оно такое все мое, такое любимое! Это нельзя рассказать! Это нельзя написать! И даже пережить... Спасало то, что все это происходило мгновенно; некогда было думать, некогда было плакать.

Я любила его! Я еще не знала, как я его любила! Мы только поженились... Идем по улице. Схватит меня на руки и закружится. И целует, целует. Люди идут мимо, и все улыбаются... Клиника острой лучевой болезни - четырнадцать дней... За четырнадцать дней человек умирает... В гостинице в первый же день дозиметристы меня замеряли. Одежда, сумка, кошелек, туфли, - все "горело". И все это тут же у меня забрали. Даже нижнее белье. Не тронули только деньги. Взамен выдали больничный халат пятьдесят шестого размера, а тапочки сорок третьего. Одежду, сказали, может, привезем, а, может, и нет, навряд ли она поддастся "чистке". В таком виде я и появилась перед ним. Испугался: "Батюшки, что с тобой?" А я все-таки ухитрилась варить бульон. Ставила кипяtilьник в стеклянную банку... Туда бросала кусочки курицы... Маленькие-маленькие... Потом кто-то отдал мне свою кастрюльку, кажется, уборщица или дежурная гостиницы. Кто-то - досочку, на которой я резала свежую петрушку. В больничном халате сама я не могла добраться до базара, кто-то мне эту зелень приносил. Но все бесполезно, он не мог даже пить... Проглотить сырое яйцо... А мне хотелось достать что-нибудь вкусенькое! Будто это могло помочь. Добежала до почты: "Девочки, - прошу, - мне надо срочно позвонить моим родителям в Ивано-Франковск. У меня здесь умирает муж". Почему-то они сразу догадались, откуда я и кто мой муж, моментально соединили. Мой отец, сестра и брат в тот же день вылетели ко мне в Москву. Они привезли мои вещи. Деньги. Девятого мая... Он всегда мне говорил: "Ты не представляешь, какая красивая Москва! Особенно на День Победы, когда салют. Я хочу, чтобы ты

увидела". Сижу возле него в палате, открыл глаза:

- Сейчас день или вечер?

- Девять вечера.

- Открывай окно! Начинается салют!

Я открыла окно. Восьмой этаж, весь город перед нами! Букет огня взметнулся в небо.

- Вот это да!

- Я обещал тебе, что покажу Москву. Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы...

Оглянулась - достает из-под подушки три гвоздики. Дал медсестре деньги - и она купила.

Подбежала и целую:

- Мой единственный! Любовь моя!

Разворчался:

- Что тебе приказывают врачи? Нельзя меня обнимать! Нельзя целовать!

Мне не разрешали его обнимать... Но я... Я поднимала и сажала его... Перестилала постель...

Ставила градусник... Приносила и уносила судно... Всю ночь сторожила рядом... Хорошо, что не в палате, а в коридоре... У меня закружилась голова, я ухватилась за подоконник... Мимо шел врач, он взял меня за руку. И неожиданно:

- Вы беременная?

- Нет-нет! - Я так испугалась, чтобы нас кто-нибудь не услышал. - Не обманывайте, - вздохнул он.

Я так растерялась, что не успела его ни о чем попросить. Назавтра меня вызывают к заведующей:

- Почему вы меня обманули? - спросила она.

- Не было выхода. Скажи я правду - отправили бы домой. Святая ложь!

- Что вы наделали!!

- Но я с ним...

Всю жизнь буду благодарна Ангелине Васильевне Гуськовой. Всю жизнь! Другие жены тоже приезжали, но их уже не пустили. Были со мной их мамы... Мама Володи Правика все время просила Бога: "Возьми лучше меня". Американский профессор, доктор Гейл... Это он делал операцию по пересадке костного мозга... Утешал меня: надежда есть, маленькая, но есть. Такой могучий организм, такой сильный парень! Вызвали всех его родственников. Две сестры приехали из Беларуси, брат из Ленинграда, там служил. Младшая Наташа, ей было четырнадцать лет, очень плакала и боялась. Но ее костный мозг подошел лучше всех... (Замолкает.) Я уже могу об этом рассказывать... Раньше не могла... Я десять лет молчала... Десять лет. (Замолкает.)

Когда он узнал, что костный мозг берут у его младшей сестрички, наотрез отказался: "Я лучше умру. Не трогайте ее, она маленькая". Старшей сестре Люде было двадцать восемь лет, она сама медсестра, понимала, на что идет. "Только бы он жил", - говорила она. Я видела операцию. Они лежали рядышком на столах... Там большое окно в операционном зале. Операция длилась два часа... Когда кончили, хуже было Люде, чем ему, у нее на груди восемнадцать проколов, тяжело выходила из-под наркоза. И сейчас болеет, на инвалидности... Была красивая, сильная девушка. Замуж не вышла... А я тогда металась из одной палаты в другую, от него - к ней. Он лежал уже не в обычной палате, а в специальной барокамере, за прозрачной пленкой, куда заходить не разрешалось. Там такие специальные приспособления есть, чтобы, не заходя под пленку, вводить уколы, ставить катэтор... Но все на липучках, на замочках, и я научилась ими пользоваться... Отсовывать... И пробираться к нему... Возле его кровати стоял маленький стульчик... Ему стало так плохо, что я уже не могла отойти, ни на минуту. Звал меня постоянно: "Люся, где ты? Люсенька!" Звал и звал... Другие барокамеры, где лежали наши ребята, обслуживали солдаты, потому что штатные санитары отказались, требовали защитной одежды. Солдаты выносили судно. Протирали полы, меняли постельное белье... Все делали... Откуда там появились солдаты? Не спрашивала... Только он... Он... А каждый день слышу: умер, умер... Умер Тишура. Умер Титенок.

Умер... Как молотком по темечку...

Стул двадцать пять - тридцать раз в сутки... С кровью и слизью... Кожа начала трескаться на руках, ногах... Все покрылось волдырями... Когда он ворочал головой, на подушке оставались клочья волос... Я пыталась шутить: "Даже удобно. Не надо носить расческу". Скоро их всех постригли. Его я стригла сама. Я все хотела ему делать сама. Если бы я могла выдержать физически, то я все

двадцать четыре часа не ушла бы от него. Мне каждую минутку было жалко... Минутку и то жалко... (Долго молчит.) Приехал мой брат и испугался: "Я тебя туда не пушу!" А отец говорит ему: "Такую разве непустишь? Да она в окно влезет! По пожарной лестнице!" Отлучилась... Возвращаюсь - на столике у него апельсин... Большой, не желтый, а розовый. Улыбается: "Меня угостили. Возьми себе". А медсестра через пленочку машет, что нельзя этот апельсин есть. Раз возле него уже какое-то время полежал, его не то, что есть, к нему прикоснуться страшно. "Ну, съешь, - просит. - Ты же любишь апельсины". Я беру апельсин в руки. А он в это время закрывает глаза и засыпает. Ему все время давали уколы, чтобы он спал. Наркотики. Медсестра смотрит на меня в ужасе... А я? Я готова сделать все, чтобы он только не думал о смерти... И о том, что болезнь его ужасная, что я его боюсь... Обрывок какого-то разговора... У меня в памяти... Кто-то увещевает: "Вы должны не забывать: перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. Вы же не самоубийца. Возьмите себя в руки". А я как умалишенная: "Я его люблю! Я его люблю!" Он спал, я шептала: "Я тебя люблю!" Шла по больничному двору: "Я тебя люблю!" Несла судно: "Я тебя люблю!" Вспоминала, как мы с ним раньше жили... В нашем общежитии... Он засыпал ночью только тогда, когда возьмет меня за руку. У него была такая привычка: во сне держать меня за руку... Всю ночь...

А в больнице я возьму его за руку и не отпускаю...

Ночь. Тишина. Мы одни. Посмотрел на меня внимательно-внимательно и вдруг говорит:

- Так хочу увидеть нашего ребенка. Какой он?

- А как мы его назовем?

- Ну, это ты уже сама придумашь...

- Почему я сама, если нас двое?

- Тогда, если родится мальчик, пусть будет Вася, а если девочка - Наташка.

- Как это Вася? У меня уже есть один Вася. Ты! Мне другого не надо. Я еще не знала, как я его любила! Он... Только он... Как слепая! Даже не чувствовала толчков под сердцем... Хотя была уже на шестом месяце... Я думала, что он внутри меня мой маленький, и он защищен... О том, что ночью у него в барокамере, никто из врачей не знал. Не догадывался... Пускали меня медсестры. Первое время тоже уговаривали: "Ты - молодая. Что ты надумала? Это уже не человек, а реактор. Сгорите вместе". Я, как собачка, бегала за ними... Стояла часами под дверью. Просила-умоляла... И тогда они: "Черт с тобой! Ты - ненормальная". Утром перед восьмью часами, когда начинался врачебный обход, показывают через пленку: "Беги!". На час сбегаю в гостиницу. А с девяти утра до девяти вечера у меня пропуск. Ноги у меня до колен посинели, распухли, настолько я уставала... Пока я с ним... Этого не делали... Но, когда уходила, его фотографировали... Одежды никакой. Голый. Одна легкая простыночка поверх. Я каждый день меняла эту простыночку, а к вечеру она вся в крови. Поднимаю его, и у меня на руках остаются кусочки его кожи, прилипают. Прошу: "Миленький! Помоги мне! Обопрись на руку, на локоть, сколько можешь, чтобы я тебе постель разгладила, не покинула наверху шва, складочки". Любой шовчик - это уже рана на нем. Я срезала себе ногти до крови, чтобы где-то его не зацепить. Никто из медсестер не мог подойти, прикоснуться, если что-нибудь нужно, зовут меня. И они фотографировали... Говорили, для науки. А я бы их всех вытолкнула оттуда! Кричала бы! Била! Как они могут! Все мое... Все любимое... Если бы я могла их туда не пустить! Если бы...

Выйду из палаты в коридор... И иду на стенку, на диван, потому что я их не вижу. Говорю дежурной медсестре: "Он умирает". - Она мне отвечает: "А что ты хочешь? Он получил тысяча шестьсот рентген, а смертельная доза четыреста. Ты сидишь возле реактора". Все мое... Все любимое.

Когда они все умерли, в больнице сделали ремонт... Стены скоблили, взорвали паркет и вынесли... Столярку. Дальше... Последнее... Помню вспышками... Обрыв... Ночь сижу возле него на стульчике... В восемь утра: "Васенька, я пойду. Я немножко отдохну". Откроет и закроет глаза - отпустил. Только дойду до гостиницы, до своей комнаты, лягу на пол, на кровати лежать не могла, так все болело, как уже стучит санитарка: "Иди! Беги к нему! Зовет беспощадно!" А в то утро Таня Кибенок так меня просила, молила: "Поедем со мной на кладбище. Я без тебя не смогу". В то утро хоронили Витю Кибенка и Володю Правика... С Витей они были друзья... Мы дружили семьями...

За день до взрыва вместе сфотографировались у нас в общежитии. Такие они наши мужья там красивые! Веселые! Последний день нашей той жизни... Такие мы счастливые! Вернулась с кладбища, быстренько звоню на пост медсестре: "Как он там?" - "Пятнадцать минут назад умер". Как? Я всю ночь у него. Только на три часа отлучилась! Стала у окна и кричала: "Почему? За что?" Смотрела на небо и кричала... На всю гостиницу... Ко мне боялись подойти... Опомнилась: напоследок его увижу! Увижу! Скатилась с лестницы... Он лежал еще в барокамере, не увезли... Последние слова его: "Люся! Люсенька!" - "Только отошла. Сейчас прибежит", - успокоила медсестра. Вдохнул и затих... Уже я от него не оторвалась... Шла с ним до гроба... Хотя запомнила не сам гроб, а большой полиэтиленовый пакет... Этот пакет... В морге спросили: "Хотите, мы покажем вам, во что его оденем". Хочу! Одели в парадную форму, фуражку наверх на грудь положили. Обуть не обули, не подобрали обувь, потому что ноги распухли... Парадную форму тоже разрезали, натянуть не могли, целого тела уже не было... Все - рана... В больнице последние два дня... Подниму его руку, а кость шатается, болтается кость, тело от нее отошло... Кусочки легкого, кусочки печени шли через рот... Захлебывался своими внутренностями... Обкручу руку бинтом и засуну ему в рот, все это из него выгребаю... Это нельзя рассказать! Это нельзя написать! И даже пережить...

Это все такое родное... Такое любимое... Ни один размер обуви невозможно было натянуть... Положили в гроб босого... На моих глазах... В парадной форме его засунули в целлофановый мешок и завязали... И этот мешок уже положили в деревянный гроб... А гроб еще одним мешком обвязали... Целлофан прозрачный, но толстый, как клеенка... И уже все это поместили в цинковый гроб... Втиснули... Одна фуражка наверху осталась...

Съехались все... Его родители, мои родители... Купили в Москве черные платки... Нас принимала чрезвычайная комиссия. И всем говорила одно и то же, что отдать вам тела ваших мужей, ваших сыновей мы не можем, они очень радиоактивные и будут похоронены на московском кладбище особым способом. В запаянных цинковых гробах, под бетонными плитками. И вы должны этот документ подписать... Если кто-то возмущался, хотел увезти гроб на родину, его убеждали, что они, мол, герои и теперь семье уже не принадлежат. Они уже государственные люди... Принадлежат государству. Сели в катафалк... Родственники и какие-то военные люди. Полковник с рацией... По рации передают: "Ждите наших приказаний! Ждите!" Два или три часа колесили по Москве, по кольцевой дороге. Опять в Москву возвращаемся... По рации: "На кладбище въезд не разрешаем. Кладбище атакуют иностранные корреспонденты. Еще подождите". Родители молчат... Платок у мамы черный... Я чувствую, что теряю сознание. Со мной истерика: "Почему моего мужа надо прятать? Он - кто? Убийца? Преступник? Уголовник? Кого мы хороним?" Мама: "Тихо, тихо, дочечка". Гладит меня по голове... Полковник передает: "Разрешите следовать на кладбище. С женой истерика". На кладбище нас окружили солдаты... Шли под конвоем... И гроб несли... Никого не пустили... Одни мы были... Засыпали моментально. "Быстро! Быстро!" - командовал офицер. Даже не дали гроб обнять... И - сразу в автобусы... Все крадком... Мгновенно купили и принесли обратные билеты... На следующий день. Все время с нами был какой-то человек в штатском, с военной выправкой, не дал даже выйти из гостиницы и купить еду в дорогу. Не дай Бог, чтобы мы с кем-нибудь заговорили, особенно я. Как будто я тогда могла говорить, я уже даже плакать не могла. Дежурная, когда мы уходили, пересчитала все полотенца, все простыни... Тут же их складывала в полиэтиленовый мешок. Наверное, сожгли... За гостиницу мы сами заплатили... За четырнадцать суток...

Клиника лучевой болезни - четырнадцать суток... За четырнадцать суток человек умирает... Дома я уснула. Зашла в дом и повалилась на кровать. Я спала трое суток... Приехала "Скорая помощь". "Нет, - сказал врач, - она не умерла. Она проснется. Это такой страшный сон". Мне было двадцать три года... Я помню сон... Приходит ко мне моя умершая бабушка, в той одежде, в которой мы ее похоронили. И наряжает елку. "Бабушка, почему у нас елка? Ведь сейчас лето?" - "Так надо. Скоро твой Васенька ко мне придет". А он вырос среди леса. Я помню сон. - Вася приходит в белом и зовет Наташу. Нашу девочку, которую я еще не родила. Уже она большая. Подросла. Он подбрасывает

ее под потолок, и они смеются... А я смотрю на них и думаю, что счастье - это так просто. Мы бродим с ним по воде. Долго-долго идем... Просил, наверное, чтобы я не плакала... Давал знак. Оттуда... Сверху... (Затихает надолго.)

Через два месяца я приехала в Москву. С вокзала - на кладбище. К нему! И там на кладбище у меня начались схватки... Только я с ним заговорила... Вызвали "Скорую"... Рожала я у той же Ангелины Васильевны Гуськовой. Она меня еще тогда предупредила: "Рожать приезжай к нам". На две недели раньше срока родила... Мне показали... Девочка... "Наташенька, - позвала я. - Папа назвал тебя Наташенькой". На вид здоровый ребенок. Ручки, ножки... А у нее был цирроз печени... В печени - двадцать восемь рентген... Врожденный порок сердца... Через четыре часа сказали, что девочка умерла... И опять, что мы ее вам не отдадим! Как это не отдадите?! Это я ее вам не отдам! Вы хотите ее забрать для науки, а я ненавижу вашу науку! Ненавижу! Она забрала у меня сначала его, а теперь еще хочет... Не отдам! Я похороню ее сама. Рядом с ним... (Молчит.)

Все не те слова вам говорю... Не такие... Нельзя мне кричать после инсульта. И плакать нельзя. Потому и слова не такие... Но скажу... Еще никто не знает... Когда я не отдала им мою девочку... Нашу девочку... Тогда они принесли мне деревянную коробочку: "Она - там". Я посмотрела... Ее запеленали... Она в пеленочках... И тогда я заплакала: "Положите ее у его ног. Скажите, что это наша Наташенька". Там, на могилке не написано: Наташа Игнатенко... Там только его имя... Она же была без имени, без ничего... Только душа... Душу я там и похоронила...

Я прихожу к ним всегда с двумя букетами: один - ему, второй - на уголок кладу ей. Ползаю у могилы на коленках... Всегда на коленках... (Бессвязно). Я ее убила... Я... Она... Спасла... Моя девочка меня спасла, она приняла весь радиоудар на себя, стала как бы приемником этого удара. Такая маленькая. Крохотулечка. (Задыхаясь) Она спасла... Но я любила их двоих... Разве... Разве можно убить любовью? Такой любовью!!... Почему это рядом? Любовь и смерть... Вместе... Кто мне объяснит? Ползаю у могилы на коленках... (Надолго затихает).

...В Киеве мне дали квартиру. В большом доме, где теперь живут все, кто с атомной станции. Квартира большая, двухкомнатная, о какой мы с Васей мечтали. А я сходила в ней с ума! В каждом углу, куда ни гляну - везде он... Начала ремонт, лишь бы не сидеть, лишь бы забыться. И так два года... Сню сон... Мы идем с ним, а он идет босиком... "Почему ты всегда необутый?" - "Да потому, что у меня ничего нет". Пошла в церковь... Батюшка меня научил: "Надо купить тапочки большого размера и положить кому-нибудь в гроб. Написать записку - что это ему". Я так и сделала... Приехала в Москву и сразу - в церковь. В Москве я к нему ближе... Он там лежит, на Митинском кладбище... Рассказываю служителю, что так и так, мне надо тапочки передать. Спрашивает: "А ведомо тебе, как это делать надо?" Еще раз объяснил... Как раз внесли отпевать дедушку старого. Я подхожу к гробу, поднимаю накидочку и кладу туда тапочки. "А записку ты написала?" - "Да, написала, но не указала, на каком кладбище он лежит". - "Там они все в одном мире. Найдут его". У меня никакого желания к жизни не было. Ночью стою у окна, смотрю на небо: "Васенька, что мне делать? Я не хочу без тебя жить". Днем иду мимо детского садика, стану и стою... Глядела бы и глядела на детей... Я сходила с ума! И стала ночью просить: "Васенька, я рожу ребенка. Я уже боюсь быть одна. Не выдержу дальше. Васенька!!" А в другой раз так попрошу: "Васенька, мне не надо мужчины. Лучше тебя для меня нет. Я хочу ребеночка". Мне было двадцать пять лет...

Я нашла мужчину... Я все ему открыла. Всю правду - что у меня одна любовь, на всю жизнь... Я все ему открыла... Мы встречались, но я никогда его в дом к себе не звала, в дом не могла... Там - Вася... Работала я кондитером... Леплю торт, а слезы катятся... Я не плачу, а слезы катятся... Единственное, о чем девочек просила: "Не жалейте меня. Будете жалеть, я уйду". Я хотела быть, как все... Принесли мне Васин орден... Красного цвета... Я смотреть на него долго не могла... Слезы катятся...

...Родила мальчика. Андрей... Андрейка... Подруги останавливали: "Тебе нельзя рожать", и врачи пугали: "Ваш организм не выдержит". Потом... Потом они сказали, что он будет без ручки... Без

правой ручки... Аппарат показывал... "Ну, и что? - думала я. - Научу писать его левой ручкой". А родился нормальный... красивый мальчик... Учится уже в школе, учится на одни пятерки. Теперь у меня есть кто-то, кем я дышу и живу. Свет в моей жизни. Он прекрасно все понимает: "Мамочка, если я уеду к бабушке, на два дня, ты дышать сможешь?" Не смогу! Боюсь на день с ним разлучиться. Мы шли по улице... И я, чувствую, падаю... Тогда меня разбил первый инсульт... Там, на улице... "Мамочка, тебе водички дать". - "Нет, ты стой возле меня. Никуда не уходи". И хватанула его за руку. Дальше не помню... Открыла глаза в больнице... Но так его хватанула, что врачи еле разжали мои пальцы. У него рука долго была синяя. Теперь выходим из дома: "Мамочка, только не хватай меня за руку. Я никуда от тебя не уйду". Он тоже болеет: две недели в школе, две дома с врачом. Вот так и живем. Боимся друг за друга. А в каждом углу Вася. Его фотографии... Ночью с ним говорю и говорю... Бывает, меня во сне попросит: "Покажи нашего ребеночка". Мы с Андрейкой приходим... А он приводит за руку дочку... Всегда с дочкой... Играет только с ней...

Так я и живу... Живу одновременно в реальном и нереальном мире. Не знаю, где мне лучше... (Встает. Подходит к окну). Нас тут много. Целая улица, ее так и называют - чернобыльская. Всю свою жизнь эти люди на станции проработали. Многие до сих пор ездят туда на вахту, теперь станцию обслуживают вахтовым методом. Никто там не живет. У них тяжелые заболевания, инвалидности, но работу свою не бросают, боятся даже подумать о том, что реактор остановят. Где и кому они сегодня нужны в другом месте? Часто умирают. Умирают мгновенно. Они умирают на ходу - шел и упал, уснул и не проснулся. Нес медсестре цветы и остановилось сердце. Они умирают, но их никто по-настоящему не расспросил. О том, что мы пережили... Что видели... О смерти люди не хотят слушать. О страшном...

Но я вам рассказывала о любви... Как я любила..."

Людмила Игнатенко, жена погибшего пожарника Василия Игнатенко